

А.Б. Шишкин (Италия)

"ЧЕРТЕЖ" АНДРЕЯ БЕЛОГО К ЭПИЛОГУ ПОЭМЫ ВЯЧ. ИВАНОВА "ЧЕЛОВЕК"

На карандашный рисунок Андрея Белого в одном из рабочих блокнотов Вяч. Иванова указано в работе О.А. Кузнецовой "Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова"¹. В блокноте находятся белые и черновые автографы поэмы "Человек", а также более поздних циклов. На л. 8 – 12 расположен Эпилог к поэме (беловые автографы карандашом); после последней, девятой, строфы – дата: "март 1919"; непосредственно после него, на л. 13 – упомянутый рисунок; в верхней части листа надпись фиолетовыми чернилами рукой Иванова: "Чертеж А. Белого к Эпилогу"; на обратной стороне того же листа – черновой набросок стихотворения 1923 г., написанного в Баку; на л. 14 – вариант стихотворения "Полдень", созданного, по сведениям О.А. Шор, в Москве в январе 1918 г.² Таков непосредственный, не совсем ясный контекст "чертежа", достаточно загадочного и самого по себе, по крайней мере, на первый взгляд. О том, при каких обстоятельствах и с какой целью Белый набросал "чертеж" в блокноте Вяч. Иванова, приходится лишь догадываться. Единственное, о чем можно судить с уверенностью, это датировка "чертежа" – не раньше марта 1919 г., когда был закончен Эпилог, и не позднее 17 февраля 1920 г., когда Белый перебирается в Петроград. Между тем, не дав хотя бы гипотетического ответа на названные вопросы, трудно решить, в какую семантическую связь вступает "чертеж" с окружающими его текстами, да и найти его интерпретацию.

Прежде всего напомним, что происходило во взаимоотношениях между Вяч. Ивановым и Белым в предшествующие месяцы. С осени 1917 г. Белый по заданию С.А. Венгерова работал над большой монографической статьей о творчестве Иванова для последнего выпуска венгеровской "Русской литературы XX в."³. Это была одна из самых ответственных статей издания, и нельзя не отдать должного профессионализму редактора-составителя, заказавшего эту статью, скажем, не П.С. Когану или

Вл.П. Кранихфельду⁴, а писателю, разделяющему филологические и религиозно-философские пресуппозиции символистского движения. О том, насколько серьезно Белый подошел к заданию, свидетельствуют его письма к Венгерову. 6 ноября 1917 г. он извещал, что "упорно работал" над статьей⁵. 28 ноября 1917 г. поэт отчитывался:

(...) приходилось много работать над Вячеславом Ивановичем; всего его внимательно прочитать от доски до доски; пришлось проделать над ним разные опыты; кроме того: связать узел его идей (довольно противоречивых) с узлом его стихотворных переживаний; на это ушло не меньше 3-х недель; теперь мне удалось, думаю, связать в нем "поэта", "философа" и "филолога"⁶.

Наконец, 3 января 1918 г. Белый сообщал, что статья завершена, но не перепечатана:

Она – готова, но она оказалась длиннее, чем я предполагал: необыкновенно трудно ввиду сложности лирики, мировоззрения и вообще многосторонности В.И. Иванова (...)⁷.

Статья Белого основывалась на сквозном прочтении ивановских поэтических книг, тщательных статистических подсчетах и оригинальной методологии – интерпретации поэтического мира писателя, для чего создавались центонные комбинации ивановских образов, символов и мифов. Белый к тому же осложнил текст идеями антропософской инициации, так что некоторые его страницы могут показаться эзотерическими или непонятными. Тем не менее данная работа остается одним из самых серьезных толкований первых двух десятилетий поэтического творчества Иванова. По ходу создания статьи Белый несколько раз читал ее публично: дважды в декабре 1917 г. (у М.О. Гершензона и у Б.П. и Н.А. Григоровых⁸), 29 января 1918 г. – в Собрании Клуба московских писателей, где председательствовал И. Новиков и присутствовали сам Вяч. Иванов, а также Ю. Балтрушайтис, И. Бунин, В. Волькенштейн, И. Жилкин, З. Жилкина, Н. Крандиевская, Е. Кускова, М. Осоргин, Г. Рачинский, А. Соболев и А. Толстой. Доклад вызвал "оживленный обмен мнениями" и заседание "затянулось до очень позднего часа"⁹.

Весной того же 1918 г. Белый написал другую статью о Вяч. Иванове – рецензию на его книгу "Родное и вселенское". Ее название – "Сирин ученого варварства" – было полемическим. В первую часть¹⁰ Белый включил переработанные и сокращенные фрагменты статьи 1917 – 1918 г., которые здесь звучали как критически-негативная оценка; вторая часть¹¹ содержала рез-

кую полемику с позицией, занятой Вяч. Ивановым по отношению к ходу русской революции¹². Статья для венгерского издания, на этот раз с рядом незначительных изменений, была включена в книгу Белого "Поэзия слова" (1922). Теперь, после публикации Е.Н. Глухой черновых материалов к статье Белого 1917–1918 г.¹³, можно увидеть, что статья представляет сложный континуитет при подвижности ряда тезисов и оценочных суждений.

Можно думать, что Вяч. Иванов отдавал себе отчет в особенностях этого "подвижного" дискурса Белого (который соответствовал также зигзагам как в его повседневном общении, так и в литературной стратегии¹⁴). Представляется, именно об этой особенности сообщал Вяч. Иванов М.С. Альтману в январе 1921 г.:

Андрей Белый ум колоссальнейший, диалектик необычайный, знания огромные, и как личность он, пожалуй, более сложное явление, чем даже Ницше. Но он безумец (и это красиво, как только слышишь это слово, но очень мучительно, когда с безумцем приходится жить). И к тому он имеет несчастное свойство: все, что скажет и напишет, сейчас же и печатает. Отсюда великое зло, ибо читатели воспринимают эти мнения, как нечто объективное, а меж тем я знаю, "как это делается" (...). Многие другие воззрения Белого — "правда мгновенья", и оттого так много всяких в них противоречий¹⁵.

Статью для издания 1917–1918 г. Вяч. Иванов внимательнейшим образом читал, внося в свой экземпляр венгерского издания 36 поправок и уточнений¹⁶; и одобрительно отозвался о ней в разговоре с М.С. Альтманом¹⁷. Материалы о реакции Вяч. Иванова на "Сирина ученого варварства" нам неизвестны; весьма возможно, что Иванов предпочел не заметить выпадов против себя Белого, тем более, что люта́я реальность быстро показала беспочвенность оптимизма Белого и обоснованность скепсиса его оппонента.

Во всяком случае, устные и письменные выступления Белого, посвященные Вяч. Иванову, не отразились деструктивно на интенсивности контактов, встреч и совместных проектов двух писателей. После чудовищного убийства 7 января 1918 г. Члена Учредительного собрания Ф.Ф. Кокошкина петроградскими революционными матросами, Андрей Белый и Вяч. Иванов в начале 1918 г. задумали совместную статью "Интересы Кокошкина в области теории поэтического творчества"¹⁸. В конце января 1918 г. на квартире А.М. Цетлина произошла "Встреча двух поколений поэтов", где участвовали Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, Андрей Белый, Д. Бурлюк, Вяч. Иванов, В. Маяков-

ский, Б. Пастернак, М. Сабашникова и др., и где Маяковский читал свою поэму "Человек"¹⁹; в феврале 1918 г. Белый и Иванов выступали на "Вечере поэтов" в Политехническом музее²⁰, в апреле 1918 г. — читали курсы в Студии стиховедения²¹. На руководимом Вяч. Ивановым заседании ТОО Наркомпроса 26 декабря 1918 г. вспыхнули оживленные прения между Белым и Ивановым из-за проекта курса по психологии, который Белый хотел предложить²². Особо тесным их общение было весной 1919 г. В марте Белый отметил в "Ракурсе к дневнику": "Частые встречи с Гершензоном, с Ивановым (В. И.)"²³. В середине марта 1919 г. задумывался журнал "Интернационал искусств", сотрудниками которого согласились стать оба поэта-символиста²⁴; в конце месяца Белый выступал на Митинге искусства в Политехническом музее, где, как кажется, также выступал или по крайней мере присутствовал и Иванов²⁵. Весной 1919 г., присутствуя на одной из лекций цикла Белого "Теория Художественного слова" в московском Пролеткульте²⁶, Вяч. Иванов набросал конспект выступления и несколько схем²⁷. В июле 1919 г. оба читают лекции на курсах по истории и теории литературы и художественному творчеству при Литературном отделе Дворца искусств, где также совместно участвуют в диспуте²⁸.

Самой значительной из инициатив, к которым Белый привлек Вяч. Иванова весной 1919 г., был журнал "Записки мечтателей" — как в прежние символистские времена, замышлялся журнал нескольких избранных писателей с самой всеобъемлющей программой²⁹. В марте — апреле 1919 г. Иванов написал эссе "Кручи. О кризисе гуманизма", попытку осмыслить послереволюционные события с высоты христианской истории³⁰. В предисловии к эссе он привел стихотворение из III части поэмы "Человек" ("Потерпи еще немного..."³¹) — мифологическое повествование о конце времен, о разорванности коллективного сознания, тяжелой обиде и вселенском пожаре как ее следствии.

Таким образом, возможно допустить, что поставив в 1919 г. последнюю черту в Эпилоге, Иванов захотел познакомить с ним Белого. Известно, что комментарии к поэме — последнему и наиболее значительному произведению московского периода Вяч. Иванова — в 1916 г. взялся писать о. П.А. Флоренский (в эти годы он трудился над своей грандиозной "Антроподией", ее проблематика была созвучна поэме "Человек"), но, по обстоятельствам времени, их не завершил. Ожидая комментариев от Флоренского, Вяч. Иванов остановил печатание по-

Рис. 1. "Чертеж" Андрея Белого к "Эпилогу" поэмы В. Иванова "Человек".
Март 1919—февраль 1920.
Римский архив Вяч. Иванова

эмы³². Другими словами, интерпретация текста оказалась для Вяч. Иванова важнее его публикации. Можно думать, что, познакомив со своим произведением Андрея Белого (в недавнем прошлом — "официального" толкователя творчества Иванова), поэт попросил его набросать "чертеж" как одну из возможных интерпретаций Эпилога.

Эпилог является своеобразным "сном" или "видением", которое прозрел "умный взор" поэта. Это видение Града Божия, Евхаристии, совершающейся во вселенной. Взору автора предстает небесный храм, купол храма, неземной свет, Голубь и Чаша, евхаристический потир, храм и сборность как единство человечества, ангельский сонм, вселенная как космический потир. Основной символ Эпилога — чаша-купол. Значение этого символа полифункционально, в прямом соответствии с ивановской концепцией:

"Подобно солнечному лучу, символ пронизывает все планы бытия и все сферы познания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение"³³. Исходными для "чертежа" Белого могут быть следующие строки Эпилога:

3

Все выше рос венец узорных дуг
.....

Пока в легчайший свод златозфирный
Не стал смыкаться необъятный круг.
И свет лился из купола премирный. —
Он сплавом снежных молний взор слепил,
.....

4

.....
Но тонкий облак от земного ока
Застлал Того, кто Голубем слетал
К сафирной Чаше, реющей высоко.
.....

5

И было свыше сердцу внушено:
Как Дух творит Даров пресуществленье,
Но те ж очам — пшеница и вино,
Так в зримом естестве богоявленье
Сверхчувственного Таинства дано.
"К тебе, Земля, Мое благоволенье!"
Глаголет Дух: "твердь — Чаша; солнце — Кровь,
.....

6

.....Из сетей сквозных
Озрелся я: в преображеньи новом
Не храм предстал, но мириад родных,
Людской собор.....

8

.....
Сквозила в крыльях просинью саффира
Украина Вселенского Потира³⁴.

"Чертеж" Белого, как видим (рис. 1) — это голова-вселенная или голова-чаша, где в большую чашу вписаны две другие. Белый истолковывал поэму Иванова через собственные символы и концепции. "Чертеж к Эпилогу" находится в одном ряду с мифопоэтическими схемами, созданными Белым августом — октябре 1917 г. во время работы над "Глоссолалией". Метафизический тезис этой книги Белый определил так:

Мир, строяемый языком в нашей полости рта, есть точно такой же мир, как вселенная: семь дней творения звуков во рту аналогичны семи дням творения мира; некогда слова оплотнеют материками и сушами, а языки превратятся в целые планетные системы со зверями, птицами и людьми; по отношению к этим мирам мы будем Элохимами³⁵.

В ряду в подготовительных материалов Белого к Глоссолалии можно найти две другие чаши: чашу-язык (рис. 2) и тройную чашу над запеленутым ребенком (рис. 3)³⁶. Вышшим в этом аналогическом ряду Белого является Грааль, который, по преданию, был потиром (чашей для причащения) первой литургии Христа и апостолов³⁷. Можно думать, что голова-чаша в "Чертеже к Эпилогу" как раз и есть Грааль в специфически "беловском" мифопоэтиче-

ском понимании. Здесь уместно вспомнить, что Андрей Белый для интерпретации картины мира Вяч. Иванова в статье 1917–1918 г. избрал трагедию "Тантал"³⁸, и его центральный символ – похищенную с неба чашу-потир – истолковывал как мифологему Грааля³⁹. Замечательно, что один из рисунков, которые сделал Вяч. Иванов весной 1919 г., слушая одну из лекций цикла Белого "Теория художественного слова", изображал символику Св. Грааля – нисходящие к земле меч, чашу и круг⁴⁰.

Однако возможные интерпретации "Чертежа к эпилогу" этим не исчерпывается. В феврале – первых числах марта 1919 г.⁴¹ выходит первое отдельное издание поэмы Белого "Христос Воскрес". В "Чертеже" могут просвечивать и ее образы. Вообще, эта поэма была своеобразной "антроподицеей" Андрея Белого. Всемирная мистерия Распятия, Смерти и Воскресения здесь осмыслена как личное событие человека. Каждый реальный и конкретный человек уподоблен Христу. Обратим в этой связи внимание на мифологему "лик – голова", которая обозначает как Христа, так и каждого смертного:

Перегорающее страдание
Сиянием
Омолнило
Лик,
Как алмаз, –
– Когда что-то,
Блеснувши неимоверно,
Преисполнило этого человека,
Простирающего длани
От века и до века –
За нас;

.....
Вспыхнула Вселенной
Голова,
И нетленно
Простерты длани
От Запада до Востока
.....

Я знаю: огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас, –
Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека⁴².

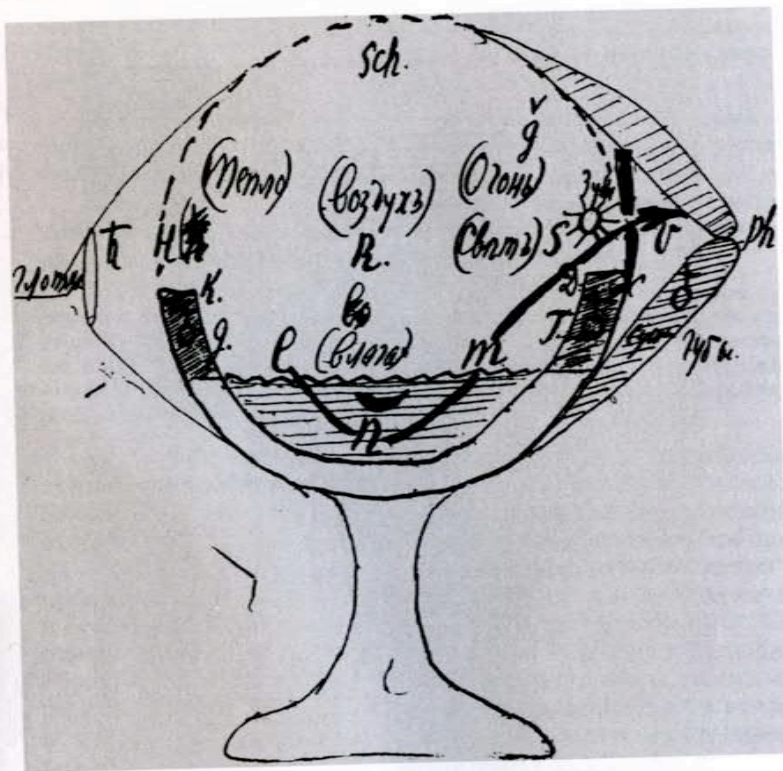

Рис. 2. Андрей Белый. Из подготовительных материалов к "Глоссолалии". ОР РНБ. Ф. 60

Представляется, что перечисленные три линии толкования "чертежа" не исключают друг друга, не находятся в конфликте. Белому, как и Вяч. Иванову и Флоренскому, было присуще представление о полифункциональности и интертекстуальности символа⁴³. Поэтические картины восхождения человеческого духа или богоявления в природе, символы, познающие и иконически возвещающие абсолютное, найденные у средневекового художника, у Достоевского, у современного поэта, художника, актера могли оказаться важным подспорьем в собственном творческом пути русских символистов. Важное свидетельство такого плодотворного "заимствования" у другого, расширяющее идейное содержание поэмы "Христос Воскрес", находим в мартов-

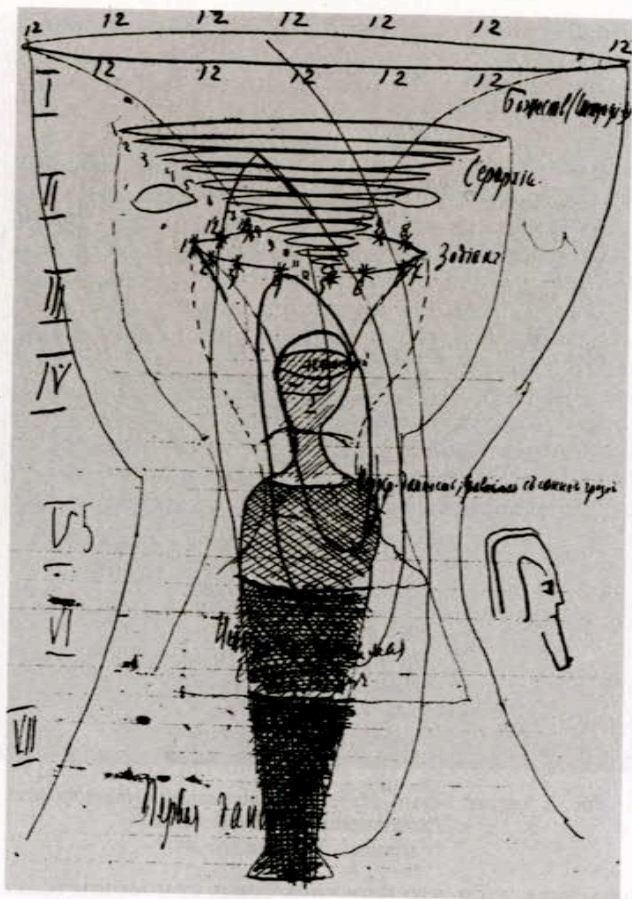

Рис. 3. Андрей Белый. Из подготовительных материалов к "Глоссолалии". ОР РНБ. Ф. 60

ском письме 1925 г. к Иванову-Разумнику. В нем Белый делится впечатлениями от шекспировского "Гамлета" в исполнении известного актера и антропософа М.А. Чехова:

Идея моей поэмы "Христос воскрес", но в тысячу раз мощней, подымается над образами "Гамлета", которые во мне вызывают слова, — слова о мистерии "Гамлет", "что эта мистерия совершается нами в нас" и что "Огромная атмосфера / Сиянием / Опускается / На каждого из нас — / Перегорающим страданием / Века / Омолятся / Голова / Каждого чело-

века..." (...) показано, как в человеке, ставшем Челом Века, Христос не Сверхчеловек, а *только* Человек... Антроподицея, антропо-софия, революция Духа, — как хотите!⁴⁴

Думается, как аналогичное "обогащение", расширение мифопоэтического мира *другого* следует истолковывать и "чертеж" Белого в блокноте Вяч. Иванова.

И последнее. Я предвижу возражение, что в моем сообщении исключен антропософский (или вообще эзотерический) ряд С.С. Аверинцев отмечал:

Когда мы обсуждаем определенные компоненты мировоззрения и разного языка Вяч. Иванова, было бы одинаково недопустимым как вовсе перестать оглядываться на мир современных ему эзотерических доктрин, так и пытаться чересчур однозначно соотносить с реалиями этого мира мысли и слова поэта, у которого никогда не было склонности перейти на роль популяризатора чужих учений⁴⁵.

Но Эпилог поэмы "Человек" лишен всяких антропософских импликаций. Антропософский ряд мог быть использован Белым, но в этом случае он оставался как бы интерпретаций второго уровня. Что же до символа чаши-купола, то эта форма — без каких бы то ни было антропософских импликаций — продолжила свое существование в творчестве К.С. Малевича и в особенности его ученика В.В. Стерлигова (1904 — 1973). Как отмечает Е.Ф. Ковтун, "чаша и купол стали основными формообразующими структурами всего видимого и невидимого в его работах"⁴⁶. Уже отмечалось, что необходимо поставить вопрос об отношении художников русского авангарда к миру русского символизма⁴⁷. Но это — отдельная тема.

¹ Русский модернизм: проблемы текстологии. СПб., 2001. С. 242.

² Иванов В. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971 — 1987. Т. III. С. 825.

³ Андрей Белый. Вячеслав Иванов // Русская литература XX в. 1890 — 1910 / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., (1918). Т. 3. Кн. 8. С. 114 — 149.

⁴ Ср.: Коган П. Вяч. Иванов // Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1911. Кн. 3: Современники. Вып. 3: Мистики и богоискатели. С. 135 — 148; Кранихфельд Вл. Литературные отклики: новые nasledniki "Переписки" Гоголя // Кранихфельд Вл. В мире идей и образов. Пг., 1918. Кн. 3: Этюды и портреты. С. 248 — 272.

⁵ Лавров А. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 54.

⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 144 (прим. 8).

- ⁷ Лавров А. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме. С. 55.
- ⁸ Лавров А. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 г. Л., 1981. С. 54 (прим. 84).
- ⁹ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 101–102.
- ¹⁰ Андрей Белый. На перевале. 1. Сириин ученого варварства // Знамя труда. 1918. № 163. 26 марта.
- ¹¹ Андрей Белый. На перевале. 2. Сириин ученого варварства. По поводу книги В. Иванова "Родное и вселенское" // Знамя труда. № 170. 3 апреля. Отдельное издание: Андрей Белый. Сириин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова "Родное и вселенское"). Берлин, 1922.
- ¹² Пессимистическая религиозно-историософская оценка произошедших после февральского переворота перемен изложена в заключительной статье книги "Революция и народное самоопределение" (первоначально под названием "Революция и самоопределение России" и в более полном виде в журнале "Народоправство". 1917. № 14. 30 октября. С. 7–10); сама книга вышла в свет не ранее декабря 1917 и не позднее 14 февраля 1918 (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 69).
- ¹³ Глухова Е. Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб., 2006. Пользуюсь приятной возможностью поблагодарить Е.В. Глухову за ценные советы.
- ¹⁴ Ср.: "Дорогой, искренне любимый Вячеслав! Я буду краток и резок. Все время я хотел Тебе верить, но вижу в Тебе какую-то двойственность. (...) способен минутами верить, что великие мистические проблемы Ты способен превратить, например, в средство для политики (...) проповедь Твоей позиции есть иногда для меня кощунство" (недатированное письмо, ок. 1907 г. См.: Nivat G. Prospero et Ariel. Esquisse des rapports d'Andrej Belyj et V. Ivanov // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1984. XXV:1. P. 25–26); «Мне претит весь строй Твоей жизни — эгоистический, комфортабельный; мне претит Твоя жизнь, поскольку извне ее созерцаю без Любви, без Жертвы; все Твои духовные алкания кажутся мне утонченной деталью к "ананасу в шампанском". Где подвиг Твой? Где жертва Твоя? (...) И вот корень моего неверия в Тебя: Ты в себе погубил духовные дары своей жизнью, как почти все Вы. У меня ко всем Вам один разговор: "Покайтесь! Приближается Царствие Небесное!" Вместо покаяния я вижу лишь "говорильню и гурманство"» (недатированное письмо, ок. 1919 г. См.: Keys R. Realists and idealists: the case of Viacheslav Ivanov versus Andrei Belyi // Slavonica. A New Series of Scottish Slavonic Review. 1994 / 1995. Vol. 1. № 2. P. 18–19).
- ¹⁵ Альтман М. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текста В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 26.
- ¹⁶ Экземпляр выпуска кн. "Русская литература XX в." в библиотеке Вяч. Иванова (Римский архив Вяч. Иванова, шифр А.И.54). Правились в основном опечатки и ошибки в цитатах из ивановских текстов, в нескольких случаях — смысловые ошибки (так, у Белого несколько раз "Эври-

- пид" вместо правильного "Эврипил" — С. 136: слово подчеркнуто и на полях знак "?!". Отметим, что ряд смысловых ошибок остались невыправленными, и в таком виде перекочевали в новейшее переиздание книги Венгера (М.: XXI век — Согласие, 2000), например, "Раз я в два начала" в главке XVII (С. 141), следует читать как "Разъяв два начала". Текстологически достоверное издание статьи Андрея Белого стоит на повестке дня.
- ¹⁷ Альтман М. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 28.
- ¹⁸ Спивак М.Л. "Москва кадетская" Андрея Белого // Литературное обозрение. 1995. № 4 / 5. С. 188. Вяч. Иванов напечатал стихотворение "Памяти Кокошкина" в журнале "Народоправство" 21 января 1918 г. (№ 21 — 22. С. 24); см.: Иванов В.И. Собр. соч. Т. IV. С. 71.
- ¹⁹ Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 104.
- ²⁰ Там же. С. 107.
- ²¹ Там же. С. 151.
- ²² Зубарев Л. "Докладная записка" Андрея Белого в ТЕО Наркомпроса: о курсе психологии в театральном университете // Russian Literature. LVIII (2005). С. 318–320.
- ²³ Цит. по: Глухова Е. Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла "Теория художественного слова" // Русская литература. 2006. № 3. С. 141.
- ²⁴ Лавров А. Вячеслав Иванов в неосуществленном журнале "Интернационал искусства" // Вячеслав Иванов и его время. Матер. VII Междунар. симпозиума, Вена 1998. Frankfurt am Main, 2002. С. 429.
- ²⁵ Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 377. Для полноты упоминем, что в марте — апреле 1919 г. Андрей Белый и Вяч. Иванов, в числе других писателей, были избраны в правление Московского профессионального союза писателей (Там же. С. 378).
- ²⁶ Преподавателями Московского Пролеткульта Белый и Иванов числились также в октябре 1919 г. (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 457).
- ²⁷ Глухова Е. Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла "Теория художественного слова". С. 141–145, 147.
- ²⁸ Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 429.
- ²⁹ Ср.: «Если бы Ты писал в "Записках мечтателей", как это было бы важно. Если бы Ты, Разумник Васильевич, я и Вячеслав писали бы о самом Главном сейчас и переключались бы, то — "Записки мечтателей", если бы вышло лишь 6–7 №№, были бы эпохой» (Письмо Андрея Белого к А. Блоку от 12 марта 1919 г. // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 519).
- ³⁰ Иванов прочитал эссе 23 апреля 1919 г. на заседании редакционной коллегии издательства "Всемирная литература" в Петрограде; надо думать, что название выступления — "О гибели гуманизма" — лучше выражало мысль докладчика. Первый выпуск "Записок мечтателей" увидел свет до 22 августа 1919 г. (Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 389, 436).
- ³¹ Иванов В. Собр. соч. Т. III. С. 366.
- ³² Шишкин А. К истории поэмы "Человек" Вяч. Иванова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51. С. 52 и др.